

МОТИВАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГОРДОСТЬ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Представлены результаты исследования лексико-семантического поля «гордость» в древнерусском языке с точки зрения семантических и мотивационных особенностей входящих в него единиц. На основании анализа семантики ядерной леммы лексико-семантического поля 'гордость' (прилагательного *гордыи*), а также на основании мотивационного анализа древнерусских единиц, входящих в данное лексико-семантическое поле, структурируется понятие «гордость» в сознании носителей древнерусского языка и выводятся приоритетные аспекты в его осмыслении на анализируемом этапе развития русской культуры.

Ключевые слова: историческая лингвистика; древнерусский язык; лексическая семантика; мотивационные особенности; мотивационная модель; лексико-семантическое поле.

Данная статья посвящена рассмотрению лексико-семантического поля (ЛСП) 'гордость' на наиболее раннем этапе письменной фиксации русского языка – в древнерусском языке – и является одним из фрагментов исследования ЛСП 'гордость' в историческом аспекте. В центре нашего внимания – лексические единицы, выражающие понятие «гордость» на данном этапе развития языка с точки зрения их семантики и внутренней формы. Исследование проводится на базе исторических словарей русского языка [1–3] с привлечением данных диалектных словарей [4, 5 и др.] и Национального корпуса русского языка [6].

В работе мы будем опираться на такие понятия, как «лексико-семантическое поле» (ЛСП) и «мотивационная модель» (ММ). Под ЛСП мы понимаем совокупность лексических единиц, имеющих сходство в семантике и взаимосвязанных определенными отношениями. ЛСП объединяет слова разных частей речи с общим семантическим компонентом. Каждое ЛСП не является закрытой структурой, а взаимодействует с другими ЛСП. При этом элемент одного ЛСП может быть включен также в другие поля. Фактически ЛСП – лишь инструмент описания лексической системы языка, позволяющий приблизиться через лексические данные к единицам ментального плана. Системный анализ лексики в контексте лингвокогнитивных исследований предполагает, что рассматриваемые языковые структуры соотносятся с понятийными структурами [7, 8]. Таким образом, ЛСП 'гордость' рассматривается нами как системное представление понятия «гордость» в русском языке.

Понятие «мотивационная модель» связано напрямую с *мотивированностью* слова – «структурно-семантическим свойством слова, позволяющим осознать взаимообусловленность его значения и звучания» [9. С. 46]. Мотивационная модель – это регулярные мотивационные отношения, возникающие между словами с определенными семантическими компонентами, охватывающие целые семантические поля [10. С. 115]. «Причина выбора того или иного основания (признака) номинации и соответственно выбора лексической единицы как деривационной базы номинации <...> лежит уже <...> в сфере ментальных представлений и, следовательно, имеет более прямое отношение к тому, что называется картиной мира» [10. С. 120]. Таким образом, хронологическая стратификация мотивационных

моделей, а также анализ их продуктивности позволяют обнаружить приоритетные аспекты в осмыслении понятия на определенном временном этапе и помогают в реконструкции фрагмента языковой картины мира в историческом аспекте.

Согласно лексическим данным, в сознании носителей современного русского литературного языка понятие «гордость» является аксиологически неоднозначным и осмысливается в нескольких аспектах, что отражается в семантической структуре ядерной единицы данного ЛСП – прилагательного *гордый*. Итак, носителями современного русского языка гордость мыслится как постоянное чувство собственного достоинства субъекта, оцениваемое положительно (*гордая и независимая девушка*); как ситуативно обусловленное чувство удовлетворения чьими-либо успехами, в большинстве случаев не подлежащее оценке (*горд знакомством, горд сыном*); как отрицательное качество человека, основанное на чувстве превосходства над окружающими (*Из них он предстаёт гордым, самолюбивым, нервным до истеричности человеком, находящимся в плену собственных представлений*) [8]; а также в переносном смысле, как внешняя или содержательная характеристика какого-либо предмета или явления, выражающего гордость, обладающего возвышенностью (*гордое одиночество, гордый призыв*), величием (*гордая осанка*). Как видим, ядерная единица двузначна, что указывает на то, что в сознании носителя современного русского языка понятие «гордость» может оцениваться как положительно, так и отрицательно. Однако какое понимание гордости является исходным? Анализ данных современного литературного языка не может дать ответа на этот вопрос.

Анализ лексикографических данных показывает, что в древнерусском языке понятие «гордость» имело отличие в структуре и содержательном наполнении. Во-первых, в основных своих четырех значениях прилагательное *гордыи* обозначало отрицательно оцениваемый признак. Положительные коннотации содержались у слова *гордыи* лишь при характеристике неодушевленных предметов, в переносном значении 'славный, выдающийся' (5) (*ялини оубо... розоумѣша кою ѡ(т)коудѣ, и гърдаго ихъ хоудожества и множашиа хытрости ѡ(т) кврѣи наоучишася ялини* (XIII–XIV вв.)). В то время как гордость как человеческое качество негативно оценивалась со стороны общества.

При этом, помимо значения ‘высокомерный, надменный, кичливый’ (*Не буи ни гордъ ни величавъ*) (XII в.), фиксирующегося в современном языке, прилагательное *гордыи* выражало также значения ‘непокорный, дерзкий’ (*злаго и пронырливаго и гордаго льстеца лжаго вл(д)ку Феудорца...*) (XIV в.), ‘жестокий, губительный’ (...*оубицу гордаго; гордыи сотона; на гордаго сего лукавага зми-а*) (XIII в.) и ‘суровый, безжалостный’ (*соудии гър<г>ыи на прѣстоль съдшиѣ*) (XI в.). При этом глагол *гърдитисѣ* употреблялся также в значении ‘свирепствовать’ (*Горжю(с) ѿако звгърь. и брешию ѿако несь*) (XIV) [1. Т. 2. С. 408].

Как показывают данные лексикографических источников, прилагательное *жестокыи*, помимо значений ‘твердый, жесткий’ (о предметах) (XIII в.) и ‘жестокий (немилосердный)’ (*оскорбѣ животъ ихъ дълъ жестоковыи*) (XII в.), в древнерусском языке также выражало значения ‘суровый, трудный’ (*жестокаго жити-а*) (XI в.), ‘упрямый, дерзкий, непокорный, гордый’ (*не жестоци и непокорливы и прекословици не будите*) (XI в.) [1. Т. 3. С. 251–252]. Это свидетельствует о том, что понятия «гордость», «жестокость», «суровость», «дерзость» были очень близки в сознании носителей языка, а возможно, некоторые из них даже синонимизировались. Столь, казалось бы, неочевидные с современной точки зрения семантические связи между гордостью и жестокостью, суровостью, по свидетельствам лексикографических источников, наблюдаются также в романских и германских языках (ср., например, ит. *orgoglio* – ‘гордость’, ‘свирепость’ [11], фр. *fier* – ‘гордость’, уст. ‘жестокость’ [12]). Связь же гордости с непокорностью, дерзостью фиксируется в русском языке еще в XVIII в. (*гордость* ‘строптивость, непокорность’: *не подобает человека гордостию вставать на Государя своего* [13. С. 168]) и сохраняется во многих русских диалектах (ср., напр., псков. *гордый* – ‘грубый, дерзкий’ (*так она [дочь] гордая и со мной*) [5. С. 99]; *гордебачить* – ‘грубо разговаривать с кем-либо, дерзить’ (новг., костром.) [4. С. 26]). Однако в современном литературном языке лексические единицы *гордый, суровый, жестокий* не являются синонимичными, т.е. данные понятия не сближаются в сознании носителей языка.

В Словаре Срезневского область значений прилагательного *гърдыи* с положительным оценочным компонентом предстает в большем разнообразии: выделяется еще одно значение, содержащее положительный оценочный компонент: ‘высокий, важный’ (*гърдомоу имени; гърдаго ихъ хоудожства; вышшии бысть и гордги всѣхъ царь богатствомъ и славою*) (XI в.) [2. Т. 1. С. 614]. Приведенный контекст, где прилагательное *гърдыи* служит определением при существительном, обозначающем лицо (*вышшии бысть и гордги всѣхъ царь богатствомъ и славою*), позволяет предположить, что *гърдыи* служил для обозначения социально значимого, важного человека (*выше и значительнее всехъ былъ царь в богатстве и славе, т.е. превосходил богатствомъ и славою остальных*). Данные определения переносились также на те предметы или признаки, которые принадлежали социально значимому человеку, указывали на его высокое положение в обществе (сравни *гърдое имя*), а также служили для определения

предметов или явлений, превосходящих в чем-либо остальные (по аналогии с человеком). В контексте этих наблюдений мы предполагаем, что значения ‘жестокый’ и ‘грозный’ могли возникнуть как метонимически переносные на основе стереотипного представления о человеке высокого социального статуса древнерусского периода истории.

В данной статье мы остановимся лишь на рассмотрении мотивационных особенностей единиц ЛСП ‘гордость’ в древнерусском языке, выражающих значения ‘высокомерный’.

Согласно лексикографическим источникам, большая часть функционирующих в древнерусском языке лексических единиц со значением ‘гордость / гордый / гордиться’ имела префиксоиды *высоко-* или *веле-/велико-* или корневую морфему *-выс-* и *-вел-*. Так, среди лексем, выражающих в древнерусском языке значения ‘высокомерный, быть высокомерным, высокомерие’ выделяются следующие: *высокыи* (XIV в.) (*и впадоша в месалианьску и во ины различны ереси иже ѡ(т) сотониньскаго ихъ и величанья високаго; не хоташе високаго и гордаго, но всегда смгрена*); *величавыи* (*величавъ акы фарисѣи*) (XI в.) [2. Т. 1. С. 287]; *высокогордение* (XIV в.), *высокомудръныи* (XIV в.), *велемоудръый, великомоудрити* (XIV в.) и др.; *высокомыслие* (XIV в.), *великомыслити* (XIV в.) и др.; *высокоумие* (XII–XIII вв.), *велеоумье* (XIV в.) и др.; *высокопаривый* (XI в.) и др.; *высокосердие* (XI в.), *высокошиявый* (XIV в.), *вельречивыи* (XIV в.) [1. Т. 1. С. 250–253; Т. 2. С. 383, 390; 2. Т. 1. С. 233–237, 452–453]. Помимо названных единиц в ЛСП ‘гордость’ в древнерусском языке функционируют единицы с префиксоидами *само-* (СГ *самомяние* (XIV–XV вв.), *самохотие* (*Ничто же тако не мерзитъ ему, яко же самохителная величавая гордость*) (XIII в.) [2. Т. 3. С. 129]), слова СГ *кычитисѣ* (XII в.), *надыматисѣ* (XIV в.) и *возношатисѣ* (XIV в.) и их производные.

Анализ внутренних форм данных единиц показывает, что в древнерусском языке в составе ЛСП ‘гордость’ действовали три основные мотивационные модели. Наиболее продуктивной из них являлась **первая ММ** ‘гордость’ < ‘внешне подчеркнутое превосходство над кем-либо’, реализующаяся в четырех вариантах:

1) ‘гордость’ < ‘внешне подчеркнутое превосходство, проявляющееся в завышенной оценке своего положения в обществе’. По этой разновидности ММ образуются единицы, в основе которых лежат семантические компоненты ‘выше’ и ‘больше’: *высокыи* (XIV в.) [1. Т. 2. С. 252–253], *величавыи* (XI в.) (‘гордый / высокомерный, важный’) [1. Т. 1. С. 386], *высокопаривыи* (XI в.) (‘заносчивый’) [2. Т. 1. С. 451], *възноситисѣ* (‘гордиться, заноситься’) (XI в.) [1. Т. 1. С. 94]. При этом слова СГ *высок-*, *вел-* выражали как понятие «гордость, высокомерие», так и «значительность, влияние, высокое социальное положение»: ср. *высокыи* ‘высокомерный, гордый’ (XIV в.) (*оубогы(м) и смгренны(м), бѣаты(м) и высок(м), блгородны(м) и худородны(м)*), *высокыи* ‘выдающийся (по значительности, влиянию), великий’ (XIII в.) (*высокъ же сынъ воспрънии премдр(с)тью*), *высокыи* ‘важный, значительный (о социальном положении)’ (XI в.) (*аште и въ саноу несть висоцѣ*) [1. Т. 2. С. 252–253], *великыи* ‘знатный, почи-

таемый' (XIII в.) (*въ цркви великъ бивъ въ полатъ ц(с)рвъ*) и *величавыи* 'надменный, высокомерный' (XI в.) (*в(т)стоупника и гордаго и величаваго*) [1. Т. 1. С. 384–386]. Это подтверждает тот факт, что в древнерусский период гордость связывалось с социальным положением субъекта.

2) 'гордость' < 'внешне подчеркнутое превосходство над другими, проявляющееся в поведении субъекта. Второй вариант данной ММ представлен в древнерусском языке лексемами, принадлежащими словообразовательному гнезду *-дъ / ым-* (*надъменныи* (XIII–XIV вв.), *надыматися* – 'гордиться' (XI в.) [1. Т. 5. С. 139; 2. Т. 2. С. 283]). Основные значения слов данного словообразовательного гнезда содержат семантические компоненты 'надуваться, наполняться воздухом'. Значения, связанные с понятием «гордость», образованы от них на основе семантических компонентов 'большой, пустой'. Данная семантическая модель подчеркивает в гордом человеке несоответствие внешнего самовыражения субъекта реальному положению вещей: т.е. гордый – тот, кто стремится казаться значительнее и важнее, чем он есть на самом деле.

3) 'гордость' < 'превосходство над окружающими, основанное на мнимом превосходстве в мыслительной деятельности' (СГ *высокооумие* (XII–XIII вв.), *высокооудрие* (XIII в.), *высокомыслие* (XIV в.) [1. Т. 2. С. 251–252], *велемоудрие* (XIII–XIV вв.) (*И браняше оубо семеонъ снмъ своимъ. ѿ зависти имъ оуклонитися и высокооумъа; надъмении адова высокомысльа* [1. Т. 1. С. 379]). Производящими для данных единиц являются слова словообразовательных гнезд *-оум-* и *-моудр-*. Согласно лексикографическим источникам, около 20% лексики ЛСП 'гордость' в древнерусском языке образовано именно по этому варианту мотивационной модели, что говорит об актуальности связи между понятиями «гордость» и «мыслительная деятельность» в сознании носителей языка.

4) 'гордость' < 'внешне подчеркнутое превосходство над окружающими, проявляющееся во внешнем виде субъекта' (СГ *кычивыи* (XII в.) [1. Т. 4. С. 385], *высокошыявыи* (XIV в.) [2. Т. 1. С. 452; 14. Т. 2. С. 241]): лексемы СГ *кич-* – от *кика*, *кыка* – 'волосы на голове', 'праздничный головной убор, который носили замужние женщины' [3. С. 122]. Данная ММ очень широко представлена в современных русских диалектах, что говорит о том, что традиционное русское народное сознание связывает гордость в первую очередь с ее внешним проявлением.

По ММ 'гордость' < 'внешне подчеркнутое превосходство', представленной четырьмя рассмотренными нами вариантами, образована основная часть древнерусской лексики ЛСП 'гордость'. Однако в лексикографических источниках зафиксированы также единицы, имеющие другой мотивационный признак.

Вторая ММ, функционирующая в рамках древнерусского языка, – 'гордость / надменность' < 'обособление субъекта от социума вследствие ощущения превосходства над окружающими'. По ней образована единица *высокосердыи* (XI в.), внутренняя форма которой акцентирует внимание на душевной, чувственной изолированности гордого, на его неспособности «опуститься сердцем, душой» на один уровень с окружаю-

щими его людьми (*Не чистъ прѣд Глмъ въсь высокосердыи* [2. Т. 1. С. 452]). Данная ММ, на наш взгляд, переключается с рассмотренной нами ранее 'гордый' < 'якобы превосходящий в мыслительной деятельности' (*высокомоудрыи, высокооумныи*), поскольку вместе они указывают на то, что в сознании носителей древнерусского языка *гордым* являлся тот, кто считал себя превосходящим окружающих в духовной и / или интеллектуальной сфере.

Третья ММ, представленная в древнерусском языке и функционирующая в языке по сей день, – 'гордость / надменность' < 'завышенная оценка значимости своего мнения, желания' (*самомнѣние* (XIV–XV вв.), *самохотие* (XIII в.): *подобаетъ самомнѣние и боужсть изыхати оу себе* [2. Т. 3. С. 251–253]).

Итак, проанализировав семантические и мотивационные особенности единиц ЛСП 'гордость' в древнерусском языке, мы можем отметить следующие особенности данного понятия в сознании носителей древнерусского языка.

Во-первых, понятийная область гордости была намного шире, чем в современном языке: в древнерусский период гордость мыслилась не только как высокомерие, завышенная самооценка субъекта, но и как качество человека особенного социального статуса, способное проявляться в суровости, жесткости, жестокости субъекта. Такая семантическая структура слова может свидетельствовать о синкретичности понятия о гордости, сформированного на основе образа человека высокого социального статуса (например царя, правителя).

Во-вторых, синкретичная нерасчлененность, согласно многим исследованиям, характерна для ранних этапов развития языка [15]. Некоторое абстрактное понятие (в нашем случае человеческое качество) связывается в сознании носителей языка с определенным образом (в нашем случае, скорее, с человеком высокого социального статуса), в результате набор признаков, характеризующий этот образ, воспринимается как одно цельное качество (высокий социальный статус, жесткость, суровость).

При данной синкретичности понятия, согласно данным лексикографических источников, гордость, тем не менее, в это время уже аспектировалась и как чувство, имеющее реальные обоснования, и как чувство собственного превосходства, реально необоснованное, получая при этом различные оценки.

В данной статье проанализирована с ономазиологической точки зрения вербализация аспекта понятия «гордость», связанного с мнимым превосходством субъекта. Анализ мотивационных особенностей данного ЛСП дал следующие результаты: традиционно гордость метафорически осмыслялась через семантику высоты и увеличения в размерах. Исстари гордым, в первую очередь, мыслился тот, кто демонстрировал внешнее превосходство в чем-либо: во внешнем виде, мыслительной деятельности, поведении. Также гордым расценивался тот, кто стремился обособиться от социума или высоко расценивал свое мнение, свои предпочтения.

Естественно, для носителя современного языка не столь актуальны связи гордости с социальным стату-

сом субъекта, гордость совершенно не связывается с жестокостью или суровостью. Данное качество больше воспринимается как внутреннее чувство субъекта, не обязательно выражающееся во внешнем поведении или

внешнем виде. При этом гордый продолжает осмысляться как выделяющий себя, свое мнение (ср. *само-мнение, самолюбие, самоуважение*), однако не всегда это оценивается отрицательно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* : в 10 т. / под ред. Р.И. Аванесова. М. : Рус. яз., 1988.
2. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912.
3. *Словарь русского языка XI–XVII веков*. М. : Наука, 1975–1999. Вып. 7.
4. *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М. ; Л. : Наука, 1968–2003. Вып. 7.
5. *Псковский областной словарь с историческими данными*. Л., 1987.
6. *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorgora.ru>
7. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. 2-е изд. М. : Либроком, 2010. 354 с.
8. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. 760 с.
9. *Блинова О.И.* Русская мотивология : учеб.-метод. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 66 с.
10. *Толстая С.М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // *Русский язык в научном освещении*. М., 2002. № 1. С. 113–127.
11. *Bataglia S.* Grande dizionario della lingua italiana. Torino : Edtrice torinese, quinto unione tipografico, 1968.
12. *ABVYU Lingvo x3* [Электронный словарь]. 2008.
13. *Словарь русского языка XVIII века*. Л. : Наука, 1984–1998. Вып. 3.
14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986.
15. *Пименова М.В.* Семантический синкретизм и синкретсемя в древнерусском языке. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2000. 16 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 июля 2013 г.